

УДК 94(575): 327(47+560)

**ПРОТИВОСТОЯНИЕ РОССИИ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.**

А.А. Салиев

Раскрываются особенности и детали антироссийских усилий Турции в Центральной Азии в интересах противодействия продвижению России в регион.

Ключевые слова: геополитика; религия; ислам; Российская империя; Османская империя; Турция; Центральная Азия; среднеазиатские ханства.

**OPPOSITION BETWEEN RUSSIA AND THE OTTOMAN EMPIRE
IN CENTRAL ASIA IN XIX – THE BEGINNING OF THE XX TH CENTURIES**

A.A. Saliev

The article reveals features and details of the anti-Russian efforts of Turkey in Central Asia for counteraction of Russian advance in region.

Keywords: geopolitics; religion; Islam; Ottoman empire; Turkey; Central Asia; Central Asian khanates.

На рубеже XIX – начала XX вв. Турция активизировала работу в среде верующего населения региона Средней Азии. Религиозная составляющая стала основой для турецкой геополитической платформы в регионе. Агенты влияния продолжали активную пропагандистскую деятельность на южных рубежах российской империи.

В.П. Литвинов пишет о том, что “следствием политических интриг Османской Турции, ее подрывной деятельности в Туркестане стало мусульманское восстание в Андижане в мае 1898 г.” [1, с. 327]. Среди историков бытует мнение о том, что вождь этого восстания – ишан Мухаммед Али – по дороге из хаджа в Мекку побывал в Стамбуле, где получил от турецкого султана Абдул-Гамида II “грамоту” для устройства газавата против русских. Мы с большим сомнением относимся к этой версии, однако историк Х.К. д’Анкосс с уверенностью пишет: “Невозможно отрицать то, что ишан обращался к султану, согласно традиции, которой ранее следовали среднеазиатские правители” [2, с. 169]. Царские власти не допускали обвинений в адрес “халифа правоверных”, но подрывную деятельность турок в Средней Азии признавали. Правительственная комиссия под председательством генерала Н.И. Королькова, расследовавшая причины Андижанского восстания 1898 г., отмечала, что перед мятежом в Туркестанском крае нарастало влия-

ние Турции. Комиссия указывала: “То, что это влияние существовало, можно заключить из того, что в последнее время в крае часто появлялись турецкие подданные без определенных целей и надлежащих документов, а также присылались из Турции для распространения в народе иллюстрированные константинопольские издания, прославляющие победы турок над греками и поправление христианского креста” [3, с. 10]. Комиссия особо отмечала, что турецкий султан устанавливал связи с афганским эмиром для совместного агитационного разложения туркестанских мусульман. Туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской писал 22 февраля 1899 г. военному министру А.Н. Куропаткину о том, что турецкие эмиссары сыграли значительную роль в Андижанском возмущении, а их подготовили специальные учреждения в Стамбуле. Духовской отмечал, что “за деятельностью таковых учреждений надо зорко следить, не жалея расходов на лазутчиков, дабы подробно и непрестанно знать все ими предпринимаемое” [4, с. 1]. 2 марта 1899 г. глава военного ведомства писал министру иностранных дел М.Н. Муравьеву о необходимости установления постоянного надзора за теми центрами в Турции, которые обучали агентов для засылки их в Туркестанский край и среднеазиатские ханства [4, с. 2]. 6 марта 1899 г. министр иностранных дел уведомлял Куропаткина о том, что он сделал

соответствующее распоряжение российскому послу в Константинополе, действительному статскому советнику Зиновьеву [4, с. 3–3]. Департамент полиции МВД направил 8 декабря 1898 г. циркуляр военным губернаторам и начальнику Закаспийской области, в котором отмечал необходимость выловить всех сторонников миньтюбинского ишана, которые скрылись в Турции. При этом прилагался список таких лиц [5, с. 1–2]. После андижанских событий активность Османской империи в Центральной Азии не только не снизилась, но и продолжала нарастать. Турецкая агентура внедрялась повсеместно в регионе. Многие турецкие деятели посещали Центральную Азию открыто и легально. Известный мусульманский деятель, активист “младотурецкого” движения Абдурашид Ибрагим-эфенди разъезжал по России и проповедовал идеи борьбы с “неверными”, после чего удалился в Турцию. Вторично он посетил Туркестанский край в 1908–1909 гг. Стало известно, что он произнес в стамбульской соборной мечети “Айя София” проповедь, опубликованную в турецком журнале “Сабимир-Рашид”. В ней Абдурашид Ибрагим-эфенди открыто призывал к войне с “неверными” – христианами, указывая, что “необходимо воззвание ко всему мусульманству, живущему вдали от театра военных действий” [6, с. 36]. Речь шла о войне Турции с Италией. Российские власти выяснили, что он в основном действовал в Семиреченской области, где было много протурецки настроенных татар [6, с. 38]. Турецкий агент Агиб Жудо свободно разъезжал по Туркестанскому краю, выдавая себя за “ключаря гроба Пророка”, поскольку имел документ от Оренбургского губернатора с просьбой оказывать ему содействие, который ему помогли “выправить” местные татары [7, с. 36]. Некто Я. Н-ов писал в 1910 г. в газете “Новое время” о том, что “ключарь” – интеллигент, с высшим образованием, открыто сеял семена панисламизма, отмечая, что подобных ему турецких эмиссаров было немало в Туркестанском крае [8]. В 1908–1909 гг. Туркестанский край объехал адъютант турецкого султана Исмаил Хаккы. Российская разведка знала о его визите, но не препятствовала ему. Хаккы остался доволен приемом, о чем писал соратникам в Маргилан: “Мужайтесь, время свободы для мусульман настало... Продолжайте в мечетях, медресе, подворьях у ходжей и именитых лиц ваши совещания так, чтобы гяуры ничего не понимали. Халиф-султан молит об освобождении своих верных сородичей” [9, с. 34]. С начала XX в. усилилась деятельность турецкой агентуры среди кочевников, слабая исламизация которых беспокоила Османскую империю, считавшую, что этот недостаток надо компенсировать. 20 марта 1901 г.

в Лепсинске, Семиреченской области был арестован турок, который собирал деньги, якобы на строительство большой мечети в Стамбуле и распространил сотни листовок антиправительственного характера, отпечатанных на арабском языке [10, с. 47]. Кстати, образец такой листовки можно и сегодня увидеть в указанном в сноске архивном деле [10, с. 49]. В конце 1902 г. в Семиреченской области арестовали турецких агентов Сейида Мухаммеда Хамида Эфенди и Насреддина Кичикова, имевшего китайский паспорт. Они выступали с антирусскими проповедями среди кыргызов и казахов. Весной 1903 г. в Атбашинском участке, Пржевальского уезда, Семиреченской области были арестованы 4 кыргыза, пропагандировавших за объединение всех мусульман под властью турецкого султана. Во время обыска при них были обнаружены книги, брошюры, листовки и проч. документы антирусского содержания. В ходе расследования выяснилось, что они “хотели поднять антирусское восстание в Атбашинском участке и других соседних с ним местностях” [11, с. 27]. Казахский “революционер” Алихан Букейханов писал в 1910 г. о том, что, в результате турецкой пропаганды, кочевники стали сильнее “ненавидеть” русских и с большим интересом слушали “бродячих” проповедников из Турции, повествовавших “о великом халифе-султана турецком, о справедливости, царящей в его царстве и благоденствии его народа...”

Степь слушала эти рассказы с глубокой завистью к подданным восточных деспотов” [12, с. 52]. Узбекистанский историк А. Савицкий отмечал, что в 1910 г. начался неожиданный приток турок в Среднюю Азию. Туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов писал в 1910 г. председателю Совета министров П.А. Столыпину: “По имеющимся у нас данным за последний год стремление турок в край заметно увеличилось, хотя бы с предыдущим годом и за первую половину этого года их прибыло в край больше, чем за весь 1909 г.” [9, с. 30]. Естественно, что многие из них включились в религиозную пропаганду. Ситуация в мировой геополитике тому благоприятствовала. Департамент духовных дел МВД разослал 28 октября 1911 г. циркуляр всем губернаторам, в котором указывал, что в виду войны между Турцией и Италией среди мусульман России растут настроения против “неверных”, в связи с чем собираются деньги в фонд турецкого оружия. Создаются даже специальные комитеты для этого. От губернаторов требовали принятия срочных мер против такого рода действий [13, с. 11]. В 1911–1912 гг. шла Балканская (болгаро-турецкая) война. Она вызвала естественный прилив протурецких настроений среди мусульман Туркестанского края, многие из которых

считали турецкого султана “халифом” всех “правоверных” мира. Повсеместно проходил достаточно открытый сбор средств в фонд турецкой победы. Туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов направил 28 октября 1912 г. руководителям областей края циркуляр, в котором призывал всех решительно пресекать любые поползновения такого рода и требовал сообщать о положении дел в каждой области на данном направлении деятельности [14, с. 1]. Все военные губернаторы отрапортовали о спокойствии ситуации в своих областях. Вместе с тем, начальник Закаспийской области сообщал, что во вверенных ему пределах осуществлялся сбор средств в фонд Красного Полумесяца, которым заправляла Турция. Его разрешил купцу-татарину Шарифу Губаеву начальник Красноводского уезда. Сбор был прекращен по личному приказу начальника Закаспийской области, а собранные Губаевым 183 руб. были сданы в местное казначейство. 29 января 1913 г. Самсонов направил новый циркуляр областным руководителям, призывая их усилить бдительность по пресечению любых форм помощи туркам – материальных или пропагандистских. Он предлагал разъяснять туркестанским мусульманам, что если они желают помочь Турции, то им надо сдавать деньги в фонд Российского общества Красного Креста, “которое имея свои санитарные отряды как в Турции, так и у ее противников, распределяют собранные деньги на нужды раненых обеих воюющих сторон” [14, с. 1]. 20 марта 1913 г. директор Департамента полиции МВД С. Белецкий издал циркуляр, в котором сообщал начальникам губернских жандармских управлений о том, что в Туркестанском крае, особенно в Семиреченской и Ферганской областях, ввиду неудач Турции в Балканской войне и помощи, оказываемой Россией славянам, среди населения растет возбуждение и отрицательное отношение к российскому правительству. Мусульмане Туркестанского края рассуждают о возможной войне России с Китаем, выражая симпатии к Китаю. Они призывают сплотиться вокруг Японии и Китая и объявить войну России. Белецкий отмечал, что среди мусульман Туркестана растет протурецкая пропаганда, распространяются прокламации с призывом собирать деньги в пользу Турции и обещанием, что газета “Тус” будет дважды в неделю публиковать список жертвователей. Департамент полиции МВД требовал принимать все меры к пресечению такого рода действий и не делать никаких публикаций в мусульманской прессе без разрешения властей [14, с. 22]. 26 июля 1913 г. военный губернатор Самаркандской области докладывал в рапорте туркестанскому генерал-губернатору А.В. Самсонову о том, что последние действия Турции в Балканской во-

йне вновь воодушевили мусульман, которые активизировали сбор денег в фонд Турции. Собранные средства повез в Турцию бывший депутат I Государственной Думы, самаркандский купец Ташпулат Абдухаликов, который по приезду в Стамбул поселился в отеле “Нукорист”, где и сдал деньги туркам [14, с. 10].

В рассматриваемый нами период сбор средств в фонд Турции среди мусульман Туркестана был обычным явлением и имел успех. Такого рода архивных дел встречается немало [15]. Туркестанские власти не всегда могли пресекать его из-за постоянной и острой нехватки участковых полицейских приставов. Мероприятия по сбору средств особенно активизировались перед Первой Мировой войной, а также и в ходе ее. Так, например, 28 февраля 1914 г. начальник Самаркандского уезда писал в рапорте в свое областное правление о том, что на территории его уезда активно орудуют турецкие агенты, собирая средства в фонд турецкой армии, потерпевшей неудачу в Балканской войне 1913 г. [16, с. 29]. Штаб Туркестанского военного округа писал 18 октября 1914 г. военному губернатору Ферганской области, генерал-майору А.И. Гиппиусу о том, что, по сведениям разведки, в подведомственных ему пределах действует турецкий шпион Хатыб Омар Наджбек, который “производит сборы пожертвований среди мусульман на военные нужды Турции” [17, с. 13]. Окружной штаб выражал недовольство тем, что военная полиция Ферганской области не знала о такой деятельности и вовремя не задержала турецкого эмиссара. Требовал разыскать и арестовать его незамедлительно.

19 сентября 1914 г. Генеральный штаб – центр русской военной разведки – направил телеграмму туркестанскому генерал-губернатору и командующему Туркестанским военным округом о том, что в Среднюю Азию направлены турецкие “эмиссары-агитаторы” с персидскими паспортами [18, с. 2]. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора и Штаб Туркестанского военного округа уведомили об этом всех областных руководителей. Штаб ТуркВО 24 сентября 1914 г. предписывал властям установить наблюдение за всеми, имеющими паспорта персидского консульства в Константинополе с сообщением об этом подполковнику Отдельного корпуса жандармов Пригаре, который был начальником VI (контрразведывательного) отделения Штаба округа. При этом особо отмечалось, что областные власти не должны принимать в отношении указанных лиц никаких “немедленных мер” [18, с. 3]. 14 ноября 1914 г. Штаб Туркестанского военного округа вторично писал военным губернаторам и начальнику Закаспийской области о том, что в Тифлисе персидский консул выдает турецким подданным

персидские паспорта, которые могут обнаружиться в Туркестанском крае. Особо отмечалось, что выявлять такие паспорта нетрудно, поскольку они не имеют визы русских консульств в Персии. Штаб указывал, что при обнаружении таких паспортов надо немедленно уведомлять руководителя контрразведки, подполковника Отдельного корпуса жандармов Пригару [18, с. 7]. На протяжении всей Первой мировой войны религиозный компонент в деятельности турецкой агентуры в Центральной Азии неуклонно возрастал. Она влияла на сознание мусульман региона, вызывая у них неоднозначную реакцию. Об этом можно писать много, однако мы ограничимся констатацией того факта, что использование Турцией в это время религии как рычага в геополитике имело в целом успех в Туркестане. Есть основания полагать, что Турция внесла соответствующий вклад в подготовку и осуществление восстания 1916 г. в регионе, однако валить на нее вину в его организации мы считаем несерьезным. Это был взрыв эндогенного народного недовольства своим положением.

Рассматривая проблему взаимосвязи религии и геополитики в Центральной Азии, роль в ней Османской империи, мы не намерены ее демонизировать, как это делали в советские времена и продолжают иногда делать сегодня. Турция была действительным примером для мусульманского мира в том, как в условиях исламской государственности можно добиваться прогресса в развитии. Для Османской империи проблема роли религии в геополитике имела не только внешнеполитическое, но и внутреннее значение. По подсчетам того же К. Маркса в середине XIX в. в Турции насчитывалось 13.730.000 греко-православных; 2.400.000 армян и 900.000 католиков [19, с. 171]. Он же отмечал, что в Турции православный “священник в приходе является одновременно судьей, старостой, учителем, душеприказчиком, сборщиком налогов, вездесущим фактотумом в гражданской жизни... мастером на все руки” [20, с. 131]. Маркс указывал, что турок надо упрекать не за ущемление прав православного духовенства, “а, наоборот, в том, что под их владычеством эта всеобъемлющая деспотическая опека, этот контроль и вмешательство церкви смогли проникнуть во все сферы общественной жизни” [20, с. 131]. Он писал о том, что отделение государства в Турции от церкви “означало бы не только упразднение магометанства, но и уничтожение православной церкви в том виде, в каком она существует в Турецкой империи” [20, с. 131]. Зарубежный исследователь Р. Льюис пишет о том, что в Османской империи положение христиан было в целом хорошим. Она указывает, что православный патриарх имел знаки власти от султанов – за-

ние паши и штандарт с тремя конскими хвостами. Он мог опираться на османские органы власти – полицию, суд, тюрьмы и др. Христиане имели возможность поступать на службу в армию. Р. Льюис отмечает, что “иногда власти вмешивались для защиты членов общин (христианских. – А.А.) от злоупотреблений их собственных пастырей” [21, с. 50]. Таким образом, внутриконфессиональное положение в Турции не могло не играть свою роль и в геополитике. Так, например, такой авторитетный ученый, как академик В.В. Бартольд писал о том, что “в XVIII в. греки и сербы довольно охотно возвращались из-под власти Австрии и Венеции под власть Турции” [22, с. 431]. Он отмечал, что турецкие христиане не понимали европейской христианской государственности и “предпочитали жить под властью турок, пользуясь свободой от воинской повинности, свободой веры, языка и самоуправления и платя небольшие подати” [22, с. 430]. Известно, что греки, получив независимость, испытывали большие трудности экономического и иного характера, а потому с тоской вспоминали о сытой и спокойной жизни в пределах мусульманского государства – Османской империи. Многие из них возвращались в Турцию. В дореволюционный период из России в Турцию выехали десятки тысяч крымских татар и представителей “горских” народов Кавказа. Такой же эффект наблюдался и в Центральной Азии. Мусульмане среднеазиатских ханств, прожившие в российских пределах Туркестана, свободного от властного произвола и деспотизма ханских режимов, старались перебраться под сень власти русского царя. Однако в начале XX в. религиозная толерантность в Турции приобрела новый облик. Как известно, младотурки пришли к власти в Османской империи в результате революционных событий 1908–1909 гг. Во время революции младотурки выдвигали лозунги социальной справедливости, демократии, равенства, единения всех народов империи, независимо от национальности и вероисповедания. Этот принцип был закреплен в программе младотурецкой партии 1908 г., пункт 6-й которой указывал: “Каждый, вне зависимости от расы и веры, обладает равными правами и свободами” [23, с. 156]. Однако несколько позже сами младотурки поправили этот принцип, начав гонения против христианских этносов. Известный российский исламовед Н.П. Остроумов писал о том, что младотурки, захватив власть в Османской империи, “изменили государственный строй, ввели быстро конституцию, но христиан продолжали преследовать с жестокостью, не уступающей временам грубого деспотизма” [24, с. 19]. Он напоминал о том, что младотурки предали проклятию знаменитого турецкого

шейх-уль-ислама Джамалетдина, который в начале XVI в. отказался дать фетву, позволяющую султану Селиму I (1512–1520) насильственно обратить всех подвластных ему христиан в ислам. В 1913 г. один из младотурецких лидеров Зия Гекалп писал в статье “Три течения мысли” в журнале “Тюрк урду” (“Турецкий очаг”) о том, что “когда турецкие интеллектуалы пришли к понятию османской нации, состоящей из различных религиозных общин, они не испытывали потребности в исламизации, но как скоро родилась идея тюркизма, необходимость исламизации стала ощущаться” [23, с. 164]. В итоге, как отмечал первый драгоман российского посольства в Константинополе А.Н. Мандельштам, “мусульманский фанатизм и турецкий шовинизм заволочили им (младотуркам. – А.А.) глаза двойным туманом” [23, с. 166].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в рассматриваемый период Османская империя активно использовала исламскую религию и ее учреждения в своей геополитике в Центральной Азии. Этому способствовало ее лидерство в мусульманском мире и в немалой мере статус турецкого султана как “халифа правоверных” планеты. Однако использование турками религии в геополитике в Центральной Азии, безусловно, имело эффект, несколько ограниченный и потому не решающий, поскольку в торгово-экономическом отношении регион был издавна более связан с российскими рынками. С завоеванием его Россией, такие экономические связи только усилились, так как они стали проще. Ранее существовавшие таможенные и иные преграды были устранены. Позже, в годы революции, гражданской войны и иностранной военной интервенции в Центральной Азии именно эти обстоятельства обусловили сохранение региона в составе новой – советской России, а потом – Союза ССР. Приведенные нами события свидетельствуют о том, что в сегодняшней геополитике Турции в Центральной Азии есть немало общего с теми явлениями, которые имели место в рассмотренном нами прошлом. Видимо, и результаты будут такими же.

Литература

1. Литвинов В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени): монография / В.П. Литвинов. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006.
2. Allworth E. Central Asia. A century of Russian Rule / E. Allworth. Columbia University Press. Ntw York-London, 1967.
3. РГИА. Ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов). Оп. 22. Д. 221 – Отчеты и рапорты командующего войсками Туркестанского военного округа и Военного прокурора о расследовании причин восстания местного населения Ферганы. (Отчет генерал-лейтенанта Королькова) (1899).
4. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2524 – По вопросу о надзоре за деятельностью мусульманских религиозных учреждений в Стамбуле.
5. ЦГА Узб. Ф. 17. Оп.1. Д. 31121 – Циркуляры полиции о розыске разных лиц.
6. ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 31. Д. 841 – С переводами статей из мусульманских газет.
7. См.: Туркестанский сборник. Т. 542. СПб., б.г.
8. Я. Н-ов. Забытая окраина // Новое время. 1910. № 12433. 22 октября.
9. ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп.1. Д. 94 – Мюридизм в Средней Азии на службе иностранных хищников.
10. ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 20752 – Дело о новометодных школах в Семиреченской области.
11. ЦГА Кырг. Ф. 148 (Начальник Атбашинского участка, Пржевальского уезда, Семиреченской области). Оп. 1. Д. 1 – Переписка Начальника Атбашинского участка об аресте пропагандистов объединения мусульман.
12. Казахи о русских до 1917 г. / А. Букейханов. М. Дулатов. А. Байтурсун. Т. Рыскулов. Лондон, 1985.
13. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 470 – О панисламистской пропаганде (1912–1914 гг.).
14. ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 15799 – О движении среди мусульман и их интересе, проявляемом к болгаро-турецкой войне.
15. См. напр.: РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 470 – О панисламистской пропаганде (1912–1914 гг.); ЦГА Каз. Ф. 41. Оп. 1. Д. 98 – Дело о розыскании турецкоподданного М. Амина, обвиняемого в распространении исламизма; ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 15799 – О движении среди мусульман и их интересе, проявляемом к болгаро-турецкой войне; ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 20752 – Дело о новометодных школах в Семиреченской области; ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 31. Д. 132 – О высылке за границу турецкоподданного Магомет-Шерифа Абыльхасанова за распространение воззваний об откровениях пророка Магомета и др.
16. ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 31. Д. 979 – Со сведениями о настроении умов местного населения.
17. ЦГА Кырг. Ф. 20. Оп.1. Д. 2 – Директивные указания по розыску разных преступников.
18. ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 16680 – По сношению Штаба ТуркВО о муллах, имеющих паспорта персидские и турецкие.
19. Маркс К. Объявление войны. К истории возникновения восточного вопроса // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 10. М., 1958.

20. *Маркс К.* Греческое восстание // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 10. М., 1958.
21. *Льюис Р.* Османская Турция. Быт, религия, культура / Р. Льюис; пер. с англ. М., 2004.
22. *Бартольд В.В.* Турция, ислам, христианство / В.В. Бартольд // Соч.: в 9 т. Т. 6. М., 1966.
23. Цит. по: *Губер А.А.* Новая история стран Азии: вторая половина XIX – начало XX вв. / А.А. Губер, Г.Ф. Ким, А.Н. Хейфец. М., 1995.
24. *Остроумов Н.П.* Исламоведение: введение в курс исламоведения / Н.П. Остроумов. Ташкент, 1914.